

Я очнулся в незнакомом месте. Я вспомнил корабль и людей. Я не видел ни одного человека и надеялся, что они сбежали. Я был слаб и замерз. Я чертовски устал, но как-то держался. Я открыл глаза и понял, что нахожусь в большой комнате. Она напомнила мне рентгеновские кабинеты в больнице, и, наверное, именно это я и вспомнил, поскольку был привязан к какому-то металлическому столу, почти голый. Это было похоже на гигантский рентгеновский аппарат.

Я попытался освободить руки, вытащить их из тугих пут, из веревок, но нет, они были слишком крепко связаны вокруг моих запястий и рук, так что у меня не было возможности двигаться, чтобы освободить руки.

В комнату вошел доктор Моррис. Чертовски пухлый. От одного взгляда на этого парня во мне вспыхнула ярость.

"А, вы очнулись. И, судя по всему, у вас не очень хорошее настроение, но вы не можете из него выбраться; просто держите свою ярость подальше, она вам понадобится. Хорошо, тогда вы сможете испытать свою радиотерапию".

Затем он ушел. Аппарат включился, и сначала я ничего не почувствовал, но, вероятно, через несколько минут я ощутил жжение и покалывание по всему телу. Аппарат на мгновение остановился. Затем снова включился. И так продолжалось довольно долго, так что жжение и покалывание стали болезненными по всему телу. Казалось, что моя кожа покрыта ожогами. Аппарат телепортировался на меня, наверное, раз двадцать.

Он двигался по всему телу, начиная с пальцев ног и заканчивая головой, и тогда у меня началась ужасная и очень неприятная головная боль. Наконец, когда носилки подошли к столу и меня подняли на них, я уже чувствовал боль и усталость. Меня понесли по длинному белому коридору в другую комнату, где мне канюлировали вены, а к обеим рукам подсоединили трубки для внутривенных вливаний.

Это снова были медсестры, у которых не было никаких чувств, кроме простого послушания, и они обращались со мной как с куском мяса.

Мои руки были привязаны к кровати металлическими скобами. На стойках для капельниц были какие-то счетчики, так что скорость капельницы регулировалась. Медсестры регулировали капельницы, и капельницы были разного цвета. Я подозревала, что это химиотерапия, и по какой-то причине моя иммунная защита разрушалась изо всех сил.

В каждой стойке было по четыре мешка. Таким образом, на меня одновременно капало восемь мешков. Я был полностью скован, и какие бы яды они на меня ни капали, я ничего не мог с этим поделать. В одном из мешков было успокоительное, потому что моя голова была очень хреновой, и я совершенно не чувствовал времени. Но я не мог видеть мужчин и знал, что они сбежали.

Не знаю, как долго это продолжалось. Если меня не прикрепляли к столу во время капельницы, я всегда находился почти под излучением. Мои силы уменьшались, у меня брали пробы, и раз за разом защитное снаряжение над медсестрами увеличивалось, говоря мне, что моя иммунная система слабеет, и в конце концов меня запечатали в пластиковый пузырь. Таким образом, я была явно лишена иммунной защиты. Химиотерапия вызывала тошноту, мышечные и нервные боли, которые усугублялись радиотерапией. У меня было смутное, отвратительное чувство беспомощности; я ненавидела это чувство. Я ненавидела капельницы, ненавидела уколы, я давала выход своей ярости, и это помогало мне еще больше ненавидеть

все медицинские процедуры, которые со мной проводили.

Я лежала в постели, бессильная, не в силах пошевелиться, и время от времени меня беспомощно рвало в контейнер на полу. У меня кружилась голова, я испытывала головокружение, боль во всем теле. Кровать казалась жесткой, я была чертовски худой, и никакая осанка не помогала, но я была слишком бессильна, чтобы что-то с этим сделать.

О, как я ненавидел это чувство бессилия и беспомощности, и я поклялся себе, что, когда мне станет лучше, я не буду все время таким чертовым бессильным и беспомощным; я стану сильнее и выносливее, и даже если попытаюсь сбежать отсюда, то сам. Время не имело значения.

Я был одурманен и слаб от боли. Я чувствовал запахи, а мое зрение из размытого превратилось в почти нормальное. Через целую вечность в пузырь вошли двое мужчин в скафандрах. В этом не было ничего нового. Они уже давно носили скафандры, когда брали у меня образцы в пузыре.

Я все думал, не придется ли мне жить в пузыре до конца своих дней, не имея никакой иммунной защиты. Моя кожа была местами открыта, и у меня было что-то вроде пролежней и других повреждений, поскольку моя кожа была тонкой и легко ломалась.

Над моей кроватью повесили мешок для инфузий с зеленой жидкостью и присоединили его к канюле. Мне связали руки и ноги, просверлили отверстия в голених, чтобы вставить канюлю, а также в бедрах, плечевой, локтевой и лучевой костях... В пузырь принесли еще подставки для капельниц, и в каждую канюлю поместили по маленькому пакетику, похожему на пакет с кровью.

Я догадался, что это костный мозг. Они капали костный мозг прямо в мои кости, а эту гребаную зеленую жижу - в мои вены. Я был связан, беспомощен и слаб, и все же я чувствовал, как в глубине моего сознания зарождается ярость; это было похоже на электрический заряд.

Затем начался настоящий ад. Все началось с головной боли, которая распространилась за глаза, и мне казалось, что голова раскалывается от давления. Казалось, что просто открыть глаза было больно, но я не мог держать их закрытыми все время. Болели челюсть и зубы. Голова болела, и не только в мозгу.

Тошнота усилилась вдвое, но мужчины вставили мне в нос назогастральную трубку, и я не могла ничего вырвать, хотя меня беспомощно рвало. Мне было так холодно, что я дико дрожала. Боль была невероятной. Я не могла пошевелиться, мне казалось, что мое тело не работает, а зрение в какой-то момент почти полностью пропало.

Я чувствовал странные запахи: собственного тела, рвоты, лекарств, металлический запах капельниц и горькую, густую вонь, которая исходила от лекарств и, казалось, покрывала мое небо.

У меня тряслись челюсти, и я знал, что у меня жар и сильный жар. Голова была тяжелой, а мышцы горели. Мне казалось, что мои мышцы распадаются на части, превращаясь в жидкость, но нет, да, они все еще были такими, и боль, боль, агония только усиливалась, как и все остальные симптомы, которые у вас могут быть.

Я был вне себя. Я просто видел, как эта зеленая жижа безжалостно капает в мои вены, и знал, что именно это причиняет мне боль и заставляет страдать. Моя кожа была восприимчива, и казалось, что от малейшего движения боль пронзает все тело.

Но сознание я не теряла, по крайней мере надолго. Болело везде, и кости болели. Казалось, что все внутренние органы завязаны в узлы. Все, что я мог делать, - это беспомощно лежать и смотреть, как мешок за мешком в меня вливается этот зеленый яд.

"Наконечник, наконечник, наконечник, наконечник... Если раньше я ненавидел капельницы и канюли, то теперь ненависть превратилась в отвращение, ярость, в то, что я не мог вынести. Я боролась, отдергивая руки, пытаясь вырваться, чтобы вытащить эту чертову иглу. Ярость помогала мне справляться, очевидно, а гнев перешел в отвращение и, казалось, погрузился в меня так глубоко, что я понял, что ненавижу все эти медицинские процедуры. И это чертово бессилие и беспомощность.

В конце концов, мне показалось, что прошли годы. Потом они перестали капать на меня эту чертову зеленую субстанцию, меня выписали и перевели на другую кровать, что-то вроде воздушного матраса, который менял давление, что-то вроде матраса для язвенников под давлением. Я слышал гул и постоянно чувствовал, как какая-то часть матраса наполняется. Это немного помогало, возможно. Но я чувствовал себя так ужасно, что даже это небольшое облегчение быстро исчезало, когда на смену ему приходил другой симптом...

Я свернулась в клубок и попыталась укутаться одеялом. Я просто пыталась просто быть. Я чувствовала себя совершенно ужасно. Я был взбешен, встревожен, болен, болен, болен, в отчаянии, пытался отдохнуть, пытался заснуть, надеялся умереть. Лихорадка не проходила, и от этого я чувствовал себя очень беспокойно, но у меня не было сил даже пошевелить рукой, поэтому я просто страдал.

Постепенно мне стало лучше. Лихорадка спала, и я вспотел и ослаб. Ломота и боль начали отступать, ко мне вернулись зрение и обоняние, я мог хоть немного двигаться, а потом я выдохся настолько, что стал спать, и спать много. Мужчины в скафандрах приходили каждый день, чтобы взять у меня кровь; на этот раз на них уже не было скафандров. Они взяли анализы крови и ушли.

Я полагал, что это вопрос нескольких дней, но не хотел больше ничего знать и даже задавать вопросы. Я почти не спал, когда они брали пробы, а потом уснул и проспал эту огромную усталость. Мне казалось, что мое тело начинает работать в ужасном темпе, и у меня просто не было сил бодрствовать. Даже сердцебиение было сильным, но быстрым; зрение было идеальным, и я чувствовала все запахи очень хорошо, слишком хорошо.

Я был слаб, но я был голоден, голоден как никогда, и мне казалось, что все мои органы чувств работают слишком эффективно. Я мог видеть ясно и далеко, и внезапное движение, особенно внезапное, почему-то привлекло мое внимание. Я все еще лежал в постели, не в силах пошевелиться, но вздрагивая, и обнаружил, что гораздо эффективнее анализирую запахи. И я чувствовал их гораздо сильнее.

Медсестры взвесили меня, и я поразился, как можно быть живым при весе 26 килограммов. Но я была жива. И голодна, раздражительна, дергана. Я уже не так сильно хотел спать. Теперь я хотел быть в лучшей форме и побыстрее.

Я очень хорошо слышал. Шаги и шорохи, несмотря на то что дверь в комнату была довольно толстой. Я еще не могла двигаться, поэтому медсестры ходили по палате, не обращая на меня внимания. Я не представляла угрозы.

Я не знал, сколько времени прошло с тех пор, как, очнувшись, я просунул канюлю от шеи до своей чертовой шеи, не заботясь о том, что она на меня упадет, но теперь я вообще ничего не

МОГ ВЫНОСИТЬ.

Я внимательно смотрел на заднюю стену палаты, пока медсестры ввозили тележку в мою комнату, не обращая на нее внимания, так как все мое внимание занимала муха на стене в 12 метрах от меня, ох как мне хотелось ее атаковать.

Медсестры принесли мне большой поднос с едой, и я начал быстро поглощать ее... В основном это было мясо и немного макарон, но никаких овощей или фруктов. Говядина была чертовски вкусной, я съел ее всю, и мне казалось, что я мог бы съесть еще больше.

Меня кормили несколько раз в день, и я всегда был голоден; я набирал вес, так как медсестры мыли меня каждое утро и взвешивали. Я поправлялся и набирал форму, и это было для меня самой большой мотивацией.

Через несколько дней я попытался встать. Мои ноги едва держали меня. Я напоминал скелет с натянутой на него кожей. Каждая косточка выпирала, мышц не было, но, по крайней мере, я мог стоять какое-то время.

С каждым днем я делала все больше и больше; я могла стоять, делать шаги, есть и пить. Я все еще напоминала анорексичку, за исключением тех случаев, когда ела, а тогда я была похожа на голодающего ребенка из развивающейся страны с пузом.

Кроме того, я снова начала контролировать свою ярость, мне хотелось вырваться и убежать. Меня начало доставать это заведение, эти люди. Я не хотел больше видеть этот чертов пухлый живот. Мне было невыносимо быть милым пациентом и позволять другим заботиться обо мне, когда они обращались со мной как с куском мяса, называя меня Омегой или Мишенью, когда у меня, блядь, было имя.

Мое разочарование и бессильная ярость начали обретать самостоятельную жизнь, и я снова почувствовал, как ярость начинает укреплять меня. По мере того как росла моя физическая форма, росла моя ярость, росла моя решимость, и я чувствовал, что скоро буду готов что-то сделать. Я чувствовал, что готов измениться.

Я снова почувствовал, как моя ярость превращается в белый светящийся шар, и в то же время ощутил, как что-то внутри меня пробуждается. Его сила, его сущность были чужими. Оно не было частью меня, но мы были связаны. В моем сознании возникло нечто совершенно новое, и я каким-то образом знал, что это не только в моем сознании.

<http://tl.rulate.ru/book/102096/3649732>